

Вера Мельникова
Однажды в Пушкарёвом

Старинная семейная история

Вера Мельникова
Однажды в Пушкарёвом

«Издательские решения»

Мельникова В.

Однажды в Пушкарёвом / В. Мельникова — «Издательские решения»,

Начало 20-ого века. Рождественские каникулы. Центр Москвы, Пушкарёв переулок. Компания гимназистов «по техническим причинам» не успевает завершить спиритический сеанс на чердаке одного из домов. Последствия этого сеанса в 1997 году вторгаются в жизнь постороннего молодого человека, снявшего по случаю в этом доме квартиру. Однако, ничего случайного не бывает...

Содержание

От автора	6
Глава 1. Рождественские каникулы	7
Глава 2. Вызываю сестёр Смирновых!	11
Глава 3. Катя старается исправить ошибку	14
Глава 4. Маленькое блюдечко из сервиза	15
Глава 5. Прошло почти сто лет	17
Глава 6. Бал, барин, дворник, кочерга	19
Глава 7. На кошку вся надежда!	20
Глава 8. Утренний посетитель	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Однажды в Пушкарёвом
Старинная семейная история
Вера Мельникова

© Вера Мельникова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

1997-ой год был для меня особенным: во-первых, я снимала комнату в Пушкарёвом переулке (целый год я могла ходить до Кремля пешком); во-вторых, готовя мой университетский диплом, я, будущий географ, еженедельно штудировала десятки книг в малюсеньком краеведческом зале Некрасовской библиотеки; в-третьих, после смерти бабушки мне удалось заполнить в единоличное пользование наш семейный архив, до которого здравствующая бабушка никого не допускала (бабушка прожила всю жизнь недалеко от Пушкарёва переулка, так же в центре Москвы, на Самотёке).

В результате через год сложился текст некой истории, сложился сам по себе, как бы между строк моей дипломной работы, я бы даже сказала – автоматически.

Однако моя общая тетрадь (синяя, в линейку) с первоначальным вариантом рукописи пролежала в столе почти десять лет. Я стеснялась её и себя-автора.

За это время повсеместно появились компьютеры и интернет. Выяснилось, что написанная мною история – типичное городское фэнтези. Вот как! А я и не знала десять лет назад о существовании такого жанра.

Единственная проблема: ни одного вымышленного персонажа в моей истории нет. Разве что события, чуть-чуть...

Глава 1. Рождественские каникулы

– Мань, а у вас в гимназии как делают? У нас блюдце поскребут железякой, а потом в этом месте точку чёрным карандашом рисуют.

– У нас, Кать, не точку – у нас стрелку ставят. Тоже чёрным карандашом.

– Девочки, да ведь это всё равно, как делать! Лучше давайте решим, кого вызывать будем. Я вот прошлой зимой в гимназии оставалась, домой не поехала, так мы с девчонками каждую ночь Наполеона вызывали. Знаете, как страшно было!

– Чего же тут, Шур, страшного?

– А то, что он нам всё угрозы какие-то посылал. Обозвал даже один раз очень нехорошим словом. Совсем нехорошим! Девочка у нас одна как завопит, как выскочит в коридор, а там её дежурные засекли. Ну, в общем, классная наша отчитала всех хорошенько... А мы собирались ещё одного генерала вызвать – не рискнули. Жаль!

– Да зачем же вам генерал нужен был? Кать, Шур, давайте какую-нибудь даму позовём, которая давно-давно умерла.

– Мань, а почему даму?

– Ну, спросим, какие раньше шляпки в моде были... Или можно ещё узнать названия всяких нарядов... Ну, спросим, что на завтрак она ела...

– Дура ты! Разве это интересно: простую даму вызывать? Нет, девчонки, по-моему, это скучно. Вот если бы жену Наполеона...

– Шур, да что ты всё со своим Наполеоном пристала?

– А то, что он интересный. И жена у него – тоже интересная была. А ты, Маньк, прачку какую-то сейчас вызвать собираешься!

– Да почему обязательно прачку?! Что ты на меня, Шурка, набросилась? Ну, вызовем кого-нибудь поважнее. Кать, скажи ей!

– Маня, Шура, действительно, хватит вам. Что вы обе как бабы на базаре лаетесь? Тоже мне – гимназистки... Есть у меня одна мысль... Полезем вечером на чердак к нам – расскажу. Ты, Шурка, бумаги лист захвати, а ты, Маня, карандаш принесишь. А блюдечко я сама из буфета стащу. Заходите за мной часов в шесть. Раньше не могу, извините, мы с мамой за туфлями поехать сговаривались. Вон мне и няня уже машет.

Каток на Чистых прудах потихоньку пустел. Няньки разбирали детей к обеду. Маня и Шурка договорились сделать ещё пару кругов, но и их уже звали по домам.

Шура с няней поехали на извозчике в свои Самотёчные переулки, а Маня в сопровождении старшей сестры решили пройти пешком – их дом на Лялиной площади был совсем близок к катку.

– Соньк, а ты меня к шести проводишь сегодня к Кате Сазоновой? – спросила Маня у сестры.

– Да, пожалуйста. Чем заниматься планируете?

– Мы хотели тётку одну вызвать, – выпалила Маня.

– Что ещё за тётка? – удивлённая Соня остановилась.

– Ах, Соня, ты не поймёшь. Это называется спиритический сеанс. С духом тётки будем общаться. Он придёт, а мы будем ему вопросы задавать, ясно тебе?

– И Шурка с вами?

– Да! Шурка, я и Катька.

– Вот дуры! – рассмеялась Соня. – Когда я училась в гимназии, мы с девчонками тоже сеансы эти проводили... Запрёмся в дортуаре, кровати из середины выдвинем,

чтобы все на полу в кружок могли поместиться, и жребий бросаем, кто медиумом сегодня будет.

– Чего? Кем будет? – перебила её Маня.

– Медиумом. Что же вы, собрались спиритизмом заниматься, а кто такой медиум не знаете. Три дурочки! Насмешили...

– Соньк, а может, ты с нами пойдёшь?

– Ты с ума сошла, Маня, мне уже двадцать два! Кто же в мои годы этими глупостями занимается? И меня сегодня Фёдор в театр позвал. Я тебя до Сазоновых провожу, а потом с ним буду.

– Слушай, а когда же он тебя замуж позовёт?

– Ну, может быть, как раз сегодня и позовёт.

– Да-а, тебе, пожалуй, не до наших тёток будет, – грустно протянула Маня.

Соня улыбнулась. Остановила младшую сестру. Вынула из муфты обе руки, положила их сестре на плечи и громким шёпотом сказала:

– Маньк, когда с тёткой вашей говорить закончите, не забудьте снять блюдо с листа и три раза им тихонечко об стол стукнуть. И больше дном вверх не кладите, запомнила?

– Это ещё зачем? – так же шёпотом спросила Маня.

– Это чтобы тётка ваша к себе вернулась и у вас больше не задерживалась. Ну и гимназистки пошли! – уже в полный голос прибавила Соня.

– Соньк, да ты что так серьёзно? Это же всё игра! Наши девчонки в гимназии блюдцем не стучали, – испугалась Маня.

– А вот и зря! Игра – не игра, а постучать надо обязательно. Ладно, я сама Кате твоей скажу. У нас сегодня, кстати, к обеду такая кулебяка с мясом замечательная. Вечером Сазоновым кусок отвезёшь к чаю.

– А птишкой мама наделала?

– Не птишкой, а пти... шутей... ой, да, а правда, как это скажешь по-русски?

– Вот и я говорю, что никак по-другому не выходит. Единственно пти-ту-ши!

– Ну, тогда уж лучше вовсе не склонять этот французский: пусть остаются птишу.

– Хорошо! Так что же, есть они сегодня?

У Шуры в это время уже накрыли стол. Мама и два старших брата, тоже гимназиста, отпущенных по случаю Рождественских праздников на каникулы, вышли встретить её в переднюю.

– Опаздываете, Александра Ильинична, – с шуточной укоризной заметила ей мама. – Алёшка с Сержем уже по три раза стол обошли в нетерпении. Бегите скорее руки мыть! Голодные все!

Через минуту семья сидела за столом.

– Мальчишки, – начала Шура, – а вы в гимназии вашей духов не вызывали никогда?

– Ты что, Сашка? К чему нам эти глупости? – хором ответили братья.

– Почему глупости? Если скучно, то можно развлечься... Развлечение это такое, понимаете? – обиделась Саша.

– Это для девчонок развлечение, а у нас в гимназии нас бы на смех подняли, если бы мы предложили кому спиритизмом заняться, понятно? – тоном учителя заявил Алёша.

– А чем же вы тогда в гимназии по вечерам перед сном занимаетесь, когда особенно скучно? – не унималась Саша.

– Книжки читаем, письма домой пишем, разговариваем, – ответил Сергей, и щёки его почему-то зардели, а непрощеная улыбка исказила юношеское лицо. В ту же секунду он упёрся подбородком в воротничок домашней рубашки и затрясся от беззвучного смеха.

– Серёжа, не подавись, – не строго сказала мама. – Ну, что смешного ты подумал?

– Мамочка, не обращай на него внимания. Это он так... Что-то вспомнил своё.

– И какие же это вы книги на ночь читаете в своей гимназии? – продолжала язвительно Саша.

Тут Сергей не выдержал: выскочил из-за стола и помчался в детскую, где рухнул на диван. Согнувшись пополам, он теперь дал волю своему смеху. Через секунду на пороге детской появился Алёша.

– Серый, ты чего, с ума сошёл? Что с тобой?

– Я вспомнил, Лёш, Митькину историю про его деревенскую кузину, в которую он влюбился летом, залез к ней ночью через окошко, и они там целовались на печке до первых петухов. Вот умора! А потом он ей письма писал, а она ему отвечала.

– И что же, он вам эти письма показывал?

– Да! И мы давились от смеха под одеялами!

– Ну, Митька, ну, балбес! Я с ним поговорю, когда занятия начнутся. Пойдём-ка к столу.

– Нет, ты не понимаешь: никакой кузины не было. Это он всё сочинил, и письма сам себе писал левой рукой, чтобы мы поверили, что это другой человек пишет, а не он. Ты только представь, как он пишет сам себе: «Здравствуйте, милый Дмитрий! Всё никак не могу забыть нашу печку. Вы были такой дусей!..»

Теперь и Алексей не выдержал, схватившись за живот обеими руками...

Саша и мама оставались за столом.

– Мама, почему они ржут как лошади? – спросила Саша. – Они прочли какую-то смешную книгу?

– Вероятно, – ответила мама. – Сейчас отсмеются и продолжим обед... А знаешь, Саш, я должна сделать тебе одно признание. Ты же помнишь, что я обучалась в Екатерининском институте...

– Помню, помню, мамочка, что ты у нас была благородной девицей.

– К счастью, это в прошлом. Я без радости оглядываюсь на те шесть лет. А как даму нашу классную вспоминаю – кулаки сжимаются до сих пор. Сколько мы от неё натерпелись! Мы её звали Удавкой... Нельзя так с детьми было!.. Но родители меня забирать не хотели раньше срока: мама была уверена, что без институтского образования барышня будет несчастна, а домашнее, по её мнению, было дорого... Если бы ты знала, Шура, как многим девочкам у нас в Институте было трудно прижиться! Но я о другом сейчас.

Однажды я не поехала домой на зимние каникулы. Мама не забрала меня: они с отцом пытались уладить какие-то важные семейные дела. Так вот, нас оставалось во всём здании совсем мало девочек и было очень скучно, все слонялись без дела, буквально вытирая своими платьями стены. Кто-то из нас, а дело было уже в выпускном классе, предложил провести этот самый спиритический сеанс...

– Ты?! – крикнула в нетерпении Саша.

– Тихо, тихо. Нет, инициатором была не я, но я тоже, вообрази себе, была молодой девушкой, и мне было всё интересно. А Институт наш имел совершенно казарменный режим, как все подобные заведения. В общем, я тоже участвовала... И знаешь, что я тебе скажу: когда наговоришься с духом, надо постучать блюдцем об стол ровно три раза. Потом перевернуть его доньшком вниз, как и положено находиться блюдцу. И не забыть попрощаться с тем, кто к вам придёт. Ну и поблагодарить обязательно.

– За что благодарить?

– Просто за то, что согласился с вами провести какое-то время. Но самое главное – постучите блюдечком... Запомнила? Кстати, а почему ты о спиритизме заговорила?

– Мамочка, нас с Маней Катя Сазонова в гости в шесть вечера позвала. Мы и решили сеанс сделать. Ты меня отпустишь, правда?

– Хорошо, отпущу, развлекайтесь. Алёшу с Сержем возьми с собой.

– Нет, что ты! Они всё только испортят!

- Почему сразу «испортят»? Будут у вас в качестве телохранителей.
- Мамочка, но мы же так, игры ради, – испуганно затараторила Шура.
- Ну, игры – не игры, а пусть мальчики с вами будут. Родителям Кати от меня низкий поклон передавай. Алёша, Серж! Ну, сколько потешаться можно? Уже десерт принесли!

Глава 2. Вызываю сестёр Смирновых!

В шесть часов вечера в Пушкарёвом переулке у подъезда дома, где жили Сазоновы, остановилось два экипажа: Маня приехала на казённом извозчике в сопровождении сестры Сони и её жениха Фёдора, а Шуру, Алёшу и Сергея в их собственном кабриолете сопровождала мама.

Катя встречала гостей у подъезда. После минуты приветствия тут же наступила минута прощания: извозчики увозили взрослых пассажиров дальше, в город, по делам, а Катя кивком головы пригласила Маню, Шуру и мальчиков следовать за ней в подъезд. Все пятеро быстро поднялись на последний четвёртый этаж дома. Серёжа и Алексей опередили девочек, перескакивая через две ступеньки.

– Кать, а мама нам с собой десять яблок завернула. Красные-красные! Папа из Крыма целый ящик вчера прислал.

– А мои кулебяку с мясом дали. Вкуснющая! И птитушей я целый кулёк выпросила. Любите их? Давайте их прямо на чердаке съедим. Ты, Кать, когда нам свои туфли новые покажешь, а? – остановилась между этажами Маня.

– Девочки, да подождите вы со своей провизией! После съедим. Вы лучше скажите: бумагу и карандаш взяли?

– Взяли, взяли! А ты – блюдце?

– Да, оно уже наверху.

– Слушай, Кать, а откуда у тебя ключи от чердака? – крикнул на бегу Сергей.

– Нас в этом доме пять семей живёт. В каждой семье есть ключ от чердака. Чердак – он как бы ничей, он общий. Туда всем ходить можно. Ну, я ключ и взяла. Сказала няне, что посижу там с подругами, понял?

– И она тебе так сразу и разрешила? – с недоверием спросила Шура, останавливаясь на ступеньке.

– Нет, она не разрешила. Но я соврала, что там кошка котят родила, и мы будем этих котят кормить.

– Ой, как здорово! Катька, а котят-то много? Мне бы мама разрешила одного взять! – захлопала в ладоши Маня.

– Мань, ты глухая? Нету там никакой кошки. И не было. Я же сказала: я её придумала! Со-вра-ла!

– А врать нехорошо, – грустно заметила Маня. – Мне так хочется потискать котёночка!

– Конечно, нехорошо! Но тогда бы нас туда и не пустили, пойми, – строго ответила Катя, вынимая из кармана пальто ключ. – Найдёшь себе котёночка в другом месте.

Компания стояла перед дверью на чердак. Дверь была довольно большая. Можно было подумать, что там, за ней, ещё одна квартира. Но за дверью оказалась узкая железная лестница, заканчивающаяся над головами ребят тяжёлым деревянным люком. Катя полезла первой, откинула люк, и плотнее стянув в кулаке все свои юбки, первой поставила колено на пол чердака. За ней полезли мальчики. Шура с Маней замыкали восхождение.

Чердачное помещение оказалось высоким, обширным и практически пустым. Оно тянулось, судя по всему, не только над последним этажом Катиного дома, но и над двумя соседними. Точнее, чердаки нескольких домов хоть и оставались самостоятельными, но всё же имели между собой сообщение в виде деревянных дверей в две трети человеческого роста, которые оставались плотно закрытыми, но не запёртыми. Девочки старались передвигаться бесшумно, но Катя, остановившись в центре чердака, по-хозяйски уперев руки в бока, громко сказала:

– Шумите и бегайте: под нами с одной стороны не живут, там пусто, там находится одна большая-пребольшая зала... Я сама не видела, но говорят, что в ней очень красиво,

а по центру колонны стоят из розового мрамора. А с другой – повар из «Эрмитажа», но он с утра до полуночи на службе.

– Кать, а можно в залу попасть? – очень серьёзно спросил Сергей.

– Нет! Ключи от неё только у дворника. Но он не даст ни за какие коврижки. Да и нельзя туда никому: там одна страшная история произошла. Мне кухарка наша рассказала...

– А матрас здесь зачем на полу валяется? – перебил Алёша.

– Не знаю. Сюда вещи старые все жильцы несут: у кого что лишнего в квартире есть, или что сломалось – на чердак сваливают. Дворник, наверное, потом забирает или старьевщика сюда зовёт... Да хватит вам с вопросами приставать! Давайте уже начнём, что ли?

– Сначала кулебяку и яблоки покушаем, – предложила Маня. Я пока буду делить на всех, а пусть кто-нибудь на бумаге буквы рисует.

– Пусть Шурка рисует, а вы, мальчики, блюдо скребите, чтобы до шершавого пятна дошло. А я свечки буду зажигать, – скомандовала Катя.

Через четверть часа ребята образовали на полу тесный полукруг; остатки угощения были завернуты в бумагу и отложены на матрас. Медиумом избрали Катю, которая была на год старше всех собравшихся и вообще имела все права хозяйки.

– Кать, а кого мы вызывать-то будем? – спросили Шура, дожёвывая яблоко. – Ты ещё днём на катке сказала нам, что у тебя мысль какая-то появилась.

– Так вы же мне сами всё рассказать по порядку не даёте: то матрасы, то кулебяки... Про этот дом существует одна легенда. Я лично в неё верю. Вот слушайте. Этот дом когда-то принадлежал одному очень богатому купцу. Фамилия его была Смирнов. И был он не просто нечестный человек, а самый злой и жадный в этом переулке... И было у него пять дочерей, пять родных сестёр. Вот однажды все эти барышни очень крепко поссорились со своим отцом. Прямо на всю жизнь поссорились! Никто не знает, какая кошка меж ними пробежала, но их никто не мог помирить. Жена этого купца ушла от него – вот какой он злой был! А потом на этом самом чердаке люди нашли двух мёртвых сестёр, а три другие пропали. Все были уверены, что папаша их всех убил... Ну, или они сами себя... А купец этот потом прожил совсем мало, потому что от горя с ума сошёл и его в больницу психопатическую увезли. Вот это и есть та самая страшная история, которую мне кухарка рассказала.

– погоди, Кать, ты хочешь сказать, что вот на этом самом чердаке они и умерли? – спросил Алёша.

– Прямо на этом.

– Прямо здесь?!

– Вы глухие? Я же сказала: прямо здесь.

– Вот на этом самом матрасе? – прошептала Маня.

– На этом – вряд ли, потому как он здесь недавно лежит... А может, даже и на этом. Вы что забоялись-то? Чего все угрюмые сидите? Сейчас вызовем этих сестёр и расспросим их. Именно это я и хотела вам сегодня предложить на катке, – спокойно заключила Катя.

– Катечка, давай лучше жену Наполеона, – взмолилась Шура.

– Нет, на жену Наполеона я не согласна. Про них книжек много написано. И никакой тайны тут нет. Хватит сопли распускать! Ставьте все пальцы на блюдо – я вызываю сестёр Смирновых, ясно?

Катя встала в полный рост. Закрывает глаза. Подняла лицо к потолку. Картинно подняла руки. И грозно произнесла:

– Придите, сёстры! Я вызываю вас всех! Хочу знать правду о вас!

Катя замолчала, но сохраняла позу. Она ждала какого-то сигнала, какого-то знака присутствия хотя бы одной из сестёр... Ну, или кого-нибудь... Она так верила во всё затеянное, так хотела оставаться властительницей умов своих младших друзей, оставаться авторитетом, старшей...

– Катя, блюдо поплыло, – с ужасом прошептала Маня. – Смотри, по-настоящему плывёт. Само, Катя, само!..

– И что же оно отвечает? – грозно продолжала Катя, не выходя из образа.

– Буквы, Катя... П-И-С-М-О, – медленно ответила Шура.

Катя опустила руки и посмотрела на сидящих:

– Правда, что ли? Не врёте?

– Да, Катька, мы сами видели: П-И-С-М-О! – хором закричали мальчишки.

– А мягкий знак был? – с недоверием спросила Катя.

– Мягкий знак мы забыли вписать в круг, – пояснила Маня, – Но ведь здесь и так всё понятно, да?

Катя не успела ответить: все десять свечных огарков, заботливо расставленных ей на полу вокруг компании, разом погасли. Наступила крошечная тьма. Небольшое полукруглое чердачное окошко, обращённое во двор, не давало никакого света со стороны зимнего вечернего московского неба. Заскрипели половицы. Со всех сторон подул очень лёгкий прохладный ветерок. Было похоже на сквозняк, едва уловимый. Потом наступила абсолютная тишина. И под полом, то ли под самыми досками, то ли этажом ниже, в той самой зале, еле слышно прозвенел колокольчик, и послышался тонкий женский голос, напевающий какую-то песню. Слова её даже приблизительно разобрать было невозможно. Дети не могли ни открыть рта, ни сделать ни единого движения: казалось, страх превратил их в восковые фигуры. Потом и песня, и колокольчик стихли. Первым пришёл в себя Сергей.

– У меня есть спички в кармане и запасной огарок. Девчонки, отомрите, сейчас будет светло.

Сергей не успел зажечь спичку, как люк в полу, через который они пролезали на чердак, с силой был откинут чьей-то рукой, принесся в чердачное пространство неяркий свет с лестничной клетки.

Маня и Шура завизжали.

У Кати перехватило дыхание, но через секунду она уже радостно кричала:

– Ребята, это же наш дворник!! Наш дворник, миленький, хорошенький! Если бы Вы знали, как мы Вам рады!

– Барышня, что Вы тут чудите? Да Вы ещё и не одна? А ну, как сейчас всё маменьке Вашей донесено будет, а? Брысь отседова, молодёжь! Ключи, небось, без спросу взяли?

– Мы кошку покормить хотели, – заступился за компанию Алёша. – Вот в бумаге кулебяка с мясом осталась. Смотрите сами, если на слово не верите. Давайте мы Вас угостим!

– За угощение – премного благодарен, барин, но чердак придётся покинуть сию же минуту, ясенько? Ну-ка, по домам все, воробы!

Катя, Шура, Маня, Сергей и Алёша устремились вниз.

– Ко мне, ко мне, в четвёртую квартиру заворачивай! – кричала Катя, летя впереди всех по лестнице. Чай будем пить!

Глава 3. Катя старается исправить ошибку

Нянька накрыла чай в просторной столовой. Красивый абажур из оранжевой ткани, украшенный нитями цветного бисера, спускался до самых голов сидящих за столом.

Ребята успокоились, но, казалось, ни у кого не было желания обсуждать случившееся. Няня подала высокую хрустальную вазочку на ножке с земляничным варением, пирожки с капустой, пиленые кусочки сахара и большую коробку шоколадных конфет:

– Это Вам, Катюша, маменька по случаю каникул у Сиу вчера заказала и просила, чтобы всем гостям досталось, – улыбнулась няня и с поклоном удалилась на кухню.

– Ух ты, «Сиу» – это я люблю! У них ещё печенье такое есть – прямо хрусти, как кролик морковкой. Помнишь, Лёша, нас Петька в гимназии угощал? Ему тётка большую такую жестяную банку присылала? – обратился Сергей к брату.

Компания какое-то время тихонько чавкала и хлюпала. Каждый смотрел только к себе в блюдце. Катя на правах хозяйки занимала место у самовара. Вдруг её рука застыла на крантике, кипяток полился из чашки на блюдце, из переполненного блюдца хлынул на ажурную скатерть.

– Ребята, мы забыли про блюдце! Надо было постучать три раза, а мы забыли, – с ужасом прошептала она.

У Мани и Шуры пробежали по спине мурашки: они же обе знали! Они должны были!...

– Катя, мы все виноваты... Меня же Сонька предупреждала вот только сегодня!.. И ты знала, что постучать надо? – спросила Маня.

– Конечно! Это все знают. У нас в гимназии всегда стучат. Ах, какая же я растяпа!..

– погоди, может, и так обойдётся, – попыталась Шура её успокоить, – Мы вот когда поэта одного древнегреческого вызывали – не прощались. И ничего! Катя, ну это же всё равно игра. Правда, успокойся. Можно и так.

– Нет, девочки. Так – нельзя. Я поднимусь одна поздно вечером на чердак и закончу. Я должна.

– Ну, как знаешь, Катя. Я бы пошла с тобой, но боязно как-то, – призналась Маня. – Слушай, а туфли-то новые покажешь?.. Про туфли же ты не сочинила?..

В полночь Катя с керосиновой лампой в руке, закутавшись в мамину шаль, стала аккуратно подниматься на чердак. Проснувшейся няне она соврала, что оборонила там брошку, папин подарок, а без неё никак она папе показаться не сможет, а ехать к папе уже завтра.

Поднявшись на последний этаж, Катя вскрикнула: на чердачной двери висел совершенно новый огромный амбарный замок, ключа от которого в её кулачке не было.

Это дворник, из соображений пожарной безопасности, решил прекратить походы на чердак нежелательных лиц нежного возраста. Катя тихонько заплакала, прислонившись лбом к дверному косяку: что же она натворила! Ведь знала же все правила...

Катя повернулась корпусом к соседней двери, той самой, за которой была таинственная зала с шестью колоннами. Погладила её рукой. Потрясла её тихонько. Ни-че-го. Дверная ручка была давно свинчена, и даже замочная скважина была наглухо заделана какой-то вонючей пастой. Катя приложила ухо к двери. Там было абсолютно тихо. Девочка прошептала: «Простите меня, пожалуйста...». И побежала вниз по каменным ступенькам на свой этаж.

Катя уже не услышала, как в дверь залы с другой стороны кто-то тихонько постучал в ответ несколько раз.

Глава 4. Маленькое блюдечко из сервиза

Рано утром её разбудила очень нарядная мама. Она держала на вытянутых руках новое фисташкового цвета платье с изящными широкими кружевами и рюшами на груди и вокруг ворота.

– Кати, смотри, какую тебе папа роскошь прислал! Ну-ка, быстро одевайся, а то на поезд опоздаем. Брошку не забудь к новому платью приколоть: она ведь тоже у тебя с зелёными камешками. Ух, балует тебя папа!

– Мама, а когда мы вернёмся домой?

– Вот так вопрос! Мы ведь ещё и не уехали. Да что с тобой? Ты плачешь? С подружками своими не попрощалась?

– Я ведь даже и не сказала, что уезжаю, – всхлипывала Катя.

– Да как же ты так? Весь вечер вчера с ними провела и забылась?

– О другом думала. Мама, может быть, можно отсрочить наш отъезд, а?

– Катюша, никак нельзя. Папа очень скучает. А девочкам твоим напишем вместе прямо из поезда и на первой же станции отправим, хочешь? Давай, поднимайся. Шляпку свою не ищи – я все три уже упаковала. Катенька, ты увидишь это волшебное море и обо всём забудешь, поверь мне! И твоя моська скоро будет счастливая и загоревшая.

– Мамочка, просто дело в том, что у меня здесь остались кое-какие дела, – робко пояснила Катя.

– Вот и прекрасно, что у тебя уже есть дела! Но нет таких дел, которыми нельзя было бы управлять на расстоянии. И потом, Ницца – это не Америка, ведь так? Собирайся, родная, собирайся! Там тоже есть хорошие русские пансионаты для девочек. Так писал папа. И он даже присмотрел для тебя один... Господи, может ты плачешь потому, что не хочешь в пансион? Дурочка, но ведь это не монастырь, там же можно жить со своей няней, а порядки, я думаю, даже менее строгие, чем в вашей гимназии. Ну, Катенька, в конце концов, папа не будет против, чтобы учителя приходили к тебе на дом. Только успокойся, прошу, вытри слёзки и давай уже одеваться! Кстати, ты не знаешь, где блюдечко из нашего сервиза? Няня стала рано утром сервиз упаковывать, а блюдечка одного не досчиталась. Придётся теперь весь сервиз оставлять.

– Мама, а оно тебе очень дорого, да?

– Да, мне очень нравился этот сервиз. Ты разбила? Признайся, Катя.

– Нет, честное слово, клянусь, что не разбивала... Я кошку ходила вчера на чердак кормить, блюдечко взяла, ну, и забыла его там. Мне тоже очень жаль, мама. Но на чердаке дворник замок поздно вечером сменил. Я сама проверяла.

– Дворник? Где же мы его теперь същем?... Поезд нас ждать не будет... В конце концов я оставлю ему записку: может ему удастся блюдце наше найти и занести к нам в квартиру. А кто-нибудь нам его с оказией позже переправит.

– Мама, но мы ведь вернёмся?

– Ну, конечно, летом или осенью с подружками свидишься. Одевайся, милая! Я тебя очень люблю.

Извозчики уже ждали их у подъезда: один экипаж для мамы, няни и Кати, другой для чемоданов и корзин с провизией.

Катя оглядывалась на свой дом в Пушкинском до тех пор, пока их извозчик не спустился окончательно на Трубную. Она не могла оторвать глаз от тех трёх окон на последнем этаже, которые приходились на тайную залу с розовыми колоннами. Среднее окно-дверь служило выходом на небольшой балкон с балюстрадой. На балконе стояли две девушки в длинных

белых платьях, без верхней одежды, несмотря на мороз, с явным наслаждением подставив лица скупому зимнему солнцу.

Кто были эти барышни – знала наверняка только одна четырнадцатилетняя гимназистка Катя, которая так и осталась с родителями на Лазурном берегу в ставшей со временем родной Ницце.

Маня и Шура целый год добросовестно общались со старшей подругой в письмах, но взрослеющих девушек больше стали интересовать начищенные эмблемы на ремнях юнкеров, чем то событие на чердаке.

С годами в памяти Кати видение на балконе превратилось в какую-то небылицу, в плод фантазии... И будучи уже совсем взрослой, она однажды подвергла сомнению всё случившееся. «Ах, не сон ли это был? Мне кажется, сон...» – говорила она своему французскому мужу с милой улыбкой, повествуя о своём далёком московском детстве.

Глава 5. Прошло почти сто лет

Иван стоял в антикварном магазине на Сретенке 9, рассматривая своё отражение в потускневшем исцарапанном зеркале. Зеркало не имело рамы; это делало его брошенным и несчастным. Конечно, оно было старинным, и кто знает, сколько сотен людей, вот так же, как Иван, разглядывали себя в нём. Зеркало устало от времени и помутнело от этой усталости.

Рама – она несомненно была. Скорее всего, резная и золочённая, с обязательными амурами и виноградной лозой. А может быть, она была из некрашеного морёного дуба: строгая, тяжёлая и тёмная...

Ивану почему-то захотелось потрогать пальцами хоть один завиток этой рамы. Он вообще любил знакомиться с окружающим миром прежде всего пальцами: Иван был архитектором. Но белый лист ватмана был для него скучен... Иногда он даже боялся этого чистого белого листа, сомневаясь в верности первого штриха. Молодой человек давно променял ватман на клей, картон и фанеру: он делал макеты тех зданий, которые его коллеги по архитектурному бюро на Трубной создавали на больших белых листах.

Правда, и ватман уходил в прошлое: компьютерные программы моментально справлялись со всеми техническими головоломками, соблюдая при этом все государственные стандарты в строительстве. А уж ювелирные макеты Ивана и подавно стали экзотикой, музейными экспонатами, требующими особых условий демонстрации – исключительно под стеклом.

Начальство обожало Ивана за его талантливые пальцы и радовалось, что в витринах именно их бюро живёт такая редкость: макеты зданий с балкончиками, садиками вокруг, скамейками и даже бездомными кошками...

Кто-то из ближайших Ваниных коллег предложил ему создать макет квартала между Цветным бульваром и Сретенкой.

Это было не так сложно: несколько параллельных переулков, тесно застроенных старенькими трёхэтажными особнячками или доходными домами начала века. Старая Москва – не так уж она была щедра на фасады в этой части города. А если что и было совсем необычного – снесли или само развалилось от старости.

Иван согласился.

И теперь каждый день после работы он отправлялся фотографировать старые подъезды, замысловатые чердачные окошки, балясины балконов, прогнившие лестницы, замшелые мокрые стены, тощие берёзки, проросшие в трещинах эркеров, запylённые гипсовые розетки над окнами и прочие архитектурные излишества. Иван торопился: практически все жилые дома в этом квартале должны были быть выселены и капитально отреставрированы, после чего превращены, скорее всего, в частные и государственные конторы.

В июне 1997 года треть домов уже стояла в строительных лесах; оконные проёмы чернели в отсутствии стёкол, а из открытых настежь подъездов пахло склепом. Раз в сутки с какой-нибудь из стен обязательно отламывался кусок старой штукатурки и глухо брякался об асфальт. Цоколь же как будто сам выплёвывал из-под своей замшелой шкуры по несколько надоевших кирпичей в день.

Старина не хотела соседствовать с новомодными офисами, охраняемыми гипсовыми атлантами, только что грубо отлитыми в недорогой мастерской по соседству. Старина не хотела смотреть на длинную очередь лимузинов, царапающих себе бока при заезде в изящные узкие арки, предназначенные для ухищрений извозчиков конных экипажей. Старина задыхалась в выхлопном смраде Садового кольца. И, наконец, местная старина продавала себя в ближайший антикварный магазин на Сретенку, имея робкую надежду удачно перебраться в другой район Москвы к новым хозяевам, дабы хоть как-то продлить себе жизнь.

Иван стремился сохранить эту старину на своих фотографиях, но она упорно, день за днём, осыпалась, гнила, отламывалась.

В конце одной из таких прогулок молодой человек оказался в том самом антикварном магазине перед уставшим зеркалом.

Кроме зеркала здесь вообще было море интересных вещей: вазочки и вазы, целый полк медных и латунных самоваров, чёрно-белые фотографии на картонках с позолоченными ободками, монеты, перламутровые пуговицы, книги в кожаных переплётах, сундучки и шкатулки... Была даже круглая двухэтажная гусятница: на верхнем этаже покоился гусь, а на нижний, через специальные изящные желобки, утекал излишний жир (вся конструкция, благодаря своей идеальной обтекаемости и блеску, напомнила Ивану летающую тарелку).

Из-под стекла витрины можно было самостоятельно вынимать стопки потрёпанных открыток.

Дулёвские фарфоровые досочки для сыра, люстры и подсвечники красовались на стеллажах за спинами продавщиц.

Но больше всего Ивана заинтриговали старинные кружева, безнадежно пожелтевшие и как будто рассыпающиеся от сухости в руках, маленькие тёмные шляпки, тоненькие перчатки, театральные сумочки, щедро украшенные вышивкой бисером и стеклярусом, несколько светлых ажурных шалей, висящих на манекене в углу, и дюжина тщательно выглаженных носовых платков нежно-розового (бывшего когда-то нежно-розовым) цвета.

Материя, из которой были сотканы эти платки, не имела для Ивана названия. Она была настолько тонкой и невесомой, что, казалось, если подбросить такой платок, он не упадёт тут же, а будет долго кружиться в воздухе, как пёрышко, описывая круги.

А потом, подвластный порыву ветра, улетит прочь.

Иван стал рисовать в своём воображении дам прошлого века, которым когда-то всё это могло принадлежать...

У стены, за прилавком, он увидел зонтик от солнца с бамбуковой лакированной ручкой и кожаные ботиночки на стоптанных каблуках с частой шнуровкой.

Среди фотографий и открыток под стеклом лежали два рисунка, выполненные пером на простых линованных листах: наверное, какой-то студент на лекции, распотрошив свою тетрадь, небрежно изобразил двух своих подружек на прогулке – шляпки, зонтики, такие же высокие зашнурованные ботиночки, пышные юбки, отороченные кружевами, волосы обеих заплетены в тугие косы. Под рисунком стояла неразборчивая подпись и дата 1897 год...

Ивана осенила мысль: дома и дворы – это только часть тех коротеньких переулков, по которым он бродит уже месяц, а ведь были ещё и люди, которые почти два столетия жили в этих домах, смотрели из окон на эти дворы, стучали каблучками по этим ныне прогнившим лестницам сырых подъездов...

Живые люди!..

Дамы, барышни, гимназисты, кавалеры, пьяные извозчики, пузатые приказчики в лавках... Ведь были ещё и люди... И, наверное, не только дома создавали лицо тогдашней Москвы, но ещё и люди, их «заполнявшие». Дома без этих людей – просто бездушные стены, пусть даже и с очень красивыми фасадами.

Мысль эта посетила архитектурскую голову 4 июля 1997 года по московскому времени.

Глава 6. Бал, барин, дворник, кочерга

Утром следующего дня Иван достал у всемогущего начальства адреса всех домов данного квартала, приговорённых к капитальному ремонту уже эти летом, и заявил о своём намерении снять на месяц квартиру или комнату в одном из этих издыхающих особняков.

Начальство не возражало: один из бывших доходных домов в Пушкарёвом переулке находился «под опекой» Ваниного бюро: именно ему доверили проводить внутреннюю перепланировку и реставрацию фасада этого здания. Плату за жильё отдавать было некому, потому что три месяца назад последняя семья выехала на новую квартиру, и здание было выведено из жилого фонда города по всем существующим правилам.

Уже через час Иваном был разбужен местный дворник, который за понятную плату взломал опечатанный подъезд в вышеуказанном переулке.

– Воды горячей нет. Вообще никакой нет. Не должно быть во всяком случае! Света тоже не обещаю, проводка тут ещё Ленина помнит. По ночам кошки под окнами будут орать, – предупредил Ваню дворник ещё на улице.

– Это мелочи!

– Какую тебе, парень, квартиру открыть? Ключ у меня тут универсальный припрятан, – засмеялся дворник, войдя в тёмный подъезд и вытаскивая из-под лестницы кочергу.

– Да всё равно, ломайте любую.

– Что значит – любую? Мы торопимся куда-то? Поднимись выше, осмотрись, принюхайся... Может, тебе первый этаж принципиально не симпатичен. Культурные жильцы первые этажи не жалуют. Или в зале побарствовать охота. Ты выбирай, не торопись.

– В каком зале? – удивился Иван.

– Э-э, брат, зря тебе сказал... Это тёмная история! Тут зала есть наверху, с колоннами, где барин ихний балы давал. Но сам я в ней не был, ну её к псам...

– Что так? Может, вместе посмотрим?

– Нет уж, благодарю. Сказал же – тёмная история. Коли шибко надо – иди сам, кочергу дарю. Счастливо оставаться!

– Подождите, это же бред какой-то! В этом доме обычные коммуналки были. Какие балы?

– Коммуналки – это в квартирах на этажах, а зала эта у чёрта была в единоличном пользовании, понятно? Народ боялся до смерти, не ходил туда никто. Такое там сотворилось, стало быть, что площадь непригодна оказалась для мирных жителей.

– И что же, Ленин там проводку не стал тянуть?

– Ты, парень, ночку там проведи одну, а утром я посмотрю, как ты шутить будешь. Иди, иди, четвёртый этаж тебе нужен.

– Подождите, а туалет-то где у вас здесь?

– Во двор завернёшь – вот тебе и сортир. Ну, а интеллигенцию я направляю к финнам на стройплощадку, в Колокольников. У них там «био» установлен, договоришься.

– Последний вопрос: подъезд запирается изнутри?

– На кой тебе, парень, запирается? Кочергой припрёшь дверь, коли воров боишься. Но поверь мне: от чёрта не спасёшься. Иди кошку лучше лови, на кошку вся твоя надежда. Бывай!

Глава 7. На кошку вся надежда!

Иван поднялся на четвёртый этаж к предполагаемой зале: две дверные створки казались намертво сцеплены друг с другом, дверная ручка отсутствовала, замочная скважина была забита какой-то окаменевшей субстанцией. Да уж, приключение! Иван стал сомневаться в правильности своего решения: ну, сидел бы у себя в бюро с этими макетами. Нет, живую историю ему подавай... Истории он, видите ли, не чувствует... Зато теперь и залы, и балы, и черти, и кочерга чугунная, и сортир во дворе, и «барин ихний». Интересно, а у барина туалет тоже во дворе был, или он с финнами договаривался? Бред!

Ладно, есть дверь, есть кочерга – будем открывать.

Но скоро Ивану стало очевидно, что никакими подручными инструментами данную дверь не вскрыть. На поджог он не решился: этот этаж дома мог быть полностью деревянным. Оставалось одно: взять разбег и врезаться архитектурским плечом по возможности в самый центр двустворчатой двери. И он попал в ту самую единственно верную точку. Дверь моментально поддалась: Ивана вихрем внесло в помещение.

То, что именовалось торжественным словом «зала», действительно являлось огромным светлым помещением с шестью колоннами из розового мрамора: три – вдоль окон, три – по противоположной стене; стены были покрыты матерчатыми обоями в розово-золотых букетах; на потолке, помимо прекрасной лепнины, идеально сохранились нарисованные гирлянды тех же розовых букетиков, перевитых золотыми лентами; карнизы над окнами пустовали.

Набор мебели был загадочен: посреди залы стоял круглый стол с массивными точёными ножками из тёмного дерева, а на стене висел красивый овальный багет, который «поддерживали» снизу два резных кудрявых амура с пухлыми щёчками, а сверху его обвивала деревянная виноградная лоза – именно о такой раме мечтал Иван в антикварном магазине. Внутри багет пустовал совершенно.

Если бы не метровый слой пыли на паркетном полу и немногочисленной мебели, то можно было бы с уверенностью сказать, что последний бал был здесь буквально в прошлые выходные.

Из трёх узких окон среднее было одновременно и дверью на балкон. Она оказалась заперта на латунную щеколду.

Следующий сюрприз ждал молодого человека на балконе: балюстрада, конечно, от дождей и ветра изрядно потрескалась, но мраморные вазоны на полу выглядели безупречно, кроме того – в них была земля и с десяток совершенно сухих почерневших стеблей каких-то цветов. Но главное – на балконе стояло плетённое кресло-качалка с витыми подлокотниками, которое не имело ни единого изъяна помимо рыжего кота, развалившегося в нём.

Иван даже не знал, чему стоило удивляться больше: креслу, коту, или этим сухим стебелькам. Стол и рама в зале были весьма допустимы, но вот кресло с котом и засохшие цветы на балконе, где сто лет никто не был – по словам дворника – это было совершенно естественно.

Ещё одной находкой стала очередная дверь без ручки в глубине залы, расположенная так, что от главного входа её совершенно не было видно: она пряталась за колонной и была обита теми же цветочными обоями, что и стены.

Иван мысленно перекрестился и поддел дверь кочергой...

Дверь открылась нехотя, обнажив малюсенькую комнатку без окон: стены были абсолютно пусты, паркет во многих местах отодран, с потолка свисал кусок серой тряпки, перевитый паутиной. Ваня дёрнул за него – материя рассыпалась в руках, оставив на пальцах золотую пыльцу. Кроме того, на потолке чернело одинокое пятно – вероятно, копоть от керосиновой лампы. Единственным предметом в комнатке была железная кровать с «шишечками» и завит-

ками на спинке, походившими на старинные кованые ограды в парках. На железном каркасе покоился пружинный матрас, когда-то давно плотно обтянутый кожей и набитый до отказа конским волосом. Теперь же пружины, вырвавшись на свободу, начинали весело приплясывать от малейшего к ним прикосновения.

Иван машинально подковырнул концом кочерги несколько паркетин на полу.

Судя по всему, до него это делали уже не раз, но каждый раз забрасывали начатое: по углам комнатки паркет всё ещё сохранял некий узор из светлых и тёмных дощечек.

После очередного прикосновения универсального инструмента, из недр паркета на Ивана выкатился малюсенький тёмный пузырёк. Молодой человек вынес пыльную находку на свет, к раскрытой балконной двери.

Это был изящный синий флакончик в тусклом металлическом «подстаканнике»; вокруг стеклянного горлышка сохранился нарисованный цветочный веночек. Флакон был плотно закрыт стеклянной пробкой в виде остроконечной спирали, напоминающей шпиль – праздничное ёлочное украшение.

Иван откупорил флакончик и автоматически поднёс его к носу...

Однажды, в далёком детстве, он встретил в булочной древнюю-древнюю даму, в ужасно старомодной шляпе с огромным выцветшим бантом под подбородком; он тогда подумал, что этой даме, наверное, никак не меньше ста лет; дама имела накрашенные губы, подведённые брови и омерзительный запах духов, которым было, видимо, столько же лет, сколько и их хозяйке...

Сейчас флакон в Ваниных руках издавал совершенно такой же запах.

Ваня плотно вогнал крышку-спираль обратно, завернул находку в носовой платок и убрал в карман джинсов...

Тогда, в булочной, старуха явно заподозрила излишний интерес к своей персоне со стороны мальчика. Прищурившись, она приблизила свой морщинистый рот, густо намазанный морковной губной помадой, к детскому уху и проскрипела: «Шкловская моя фамилия, молодой человек! Шкловская! Прошу не путать...» Будучи впечатлительным ребёнком, Иван шарахнулся в сторону и разревелся от страха.

Эта старушенция Шкловская навсегда врезалась в Ванину память.

Вечером того же дня Иван отнёс флакон на Сретенку в антикварный. Продавать он его не хотел. Ему нужно было выяснить «степень древности» своей находки – так, на всякий случай.

Приёмщица тщательно рассмотрела под лупой товар, поскребла маленьким белым накопчиком его металлическую часть, открыла, долго внюхивалась в содержимое (в детстве ей явно не встречалась старуха Шкловская!), провела какой-то ветошью по нарисованной цветочной гирлянде...

– Ну, что, я думаю рублей двести пятьдесят, а то и триста мы вам сможем дать на руки за ваш флакон прямо сейчас. Будете оформлять? – предложила приёмщица, выныривая из-под огромной лампы на своём рабочем столе.

– А почему такая большая сумма? – удивился Иван.

– Видите ли, это изделие конца 19-ого века, годов восьмидесятых, по моему разумению. Оправа серебряная, узор хорошей сохранности, крышка соответствует... Скорее всего, это делал наш московский мастер. Уникальности никакой нет, тогда уже было массовое производство подобной парфюмерной тары. Но ваш флакон – без единой трещины, без сколов. Отсюда и цена хорошая... Единственное, что меня очень удивляет: как мог запах так долго

продержаться? Он деградировал, конечно... Однако, не выдохся полностью... И это при абсолютном отсутствии содержимого...

- Видимо, крышка всё это время была плотно закрыта.
- Или кто-то держал в нём духи относительно недавно.
- Исключено!
- Ну, так будете сдавать на комиссию? Триста на руки, согласны?
- Нет, я подумаю, спасибо Вам за информацию.

Ваня был несколько озадачен ценностью стеклянного флакона, хотя он мало смыслил в антикварных делах. Вознаграждение было обещано за пустой синий пузырёк соблазнительное, но расстаться прямо сейчас со своей находкой он не захотел: деньги уйдут без следа рано или поздно, а необычной вещи уже не будет... И он решил так: пусть пока полежит в кармане, места много не занимает, а дальше видно будет. С этими мыслями молодой человек вышел из каморки приёмщицы, оставив ещё раз своё отражение в том самом потускневшем овальном зеркале на стене.

Зеркало висело здесь с прошлого лета; первоначальная его цена была зачёркнута и уменьшена, потом снизили и вторую цену. Ваня вспомнил о своей первой встрече с этим зеркалом, о том, как ему вдруг захотелось вернуть этому одинокому зеркалу раму...

В этот момент к Ване подошла приёмщица.

– Вот, кстати, к вопросу о цене, – постучала она шариковой ручкой по краю мутного стекла, – это тоже прошлый век, как и ваш флакон. Но состояние у самого зеркала ужасное. И без рамы. Поэтому мы и цену поставили восемьдесят рублей. Должны были после первой уценки, по правилам, вернуть вещь через месяц владельцу, но старушка, видимо, померла, а родственники интереса не проявили. Так оно в собственности магазина и осталось. И никому этот хлам не нужен.

– Нужен. Мне – нужен. У меня и рама свободная по случаю появилась. Не уверен, что подойдёт, но попробовать стоит.

– Молодой человек, не рекомендую. Это не товар! Я могу Вам адрес дать, здесь недалеко на Цветном бульваре есть багетная мастерская, там и зеркала недорого на заказ делают.

– Не надо, выпишите мне вот этот... «хлам».

– Ну, как знаете. Подойдите к любому продавцу, квитанцию возьмите, а деньги – в кассу. Товар обратно мы не принимаем, если передумаете.

Через десять минут зеркало было снято, завернуто в крафт и заклеено скотчем. Продавцы, запирая за Иваном дверь (он был последним покупателем в тот вечер), облегчённо вздохнули и тут же повесили на место надоевшего зеркала большой тёмный пейзаж из каморки приёмщицы.

Поднявшись к себе в залу, Иван бережно снял со стены резной овальный багет и нежно опустил его на только что купленное зеркало.

Нет, эти два пенсионера явно никогда ранее не были знакомы!

– Ну и ладно, пусть живут по-отдельности, потом что-нибудь с ними придумаем, – произнёс в слух Иван.

Сейчас его больше беспокоила перспектива ночлега. У Ивана с собой был небольшой рюкзак с несколькими свитерами и туго скрученным спальным мешком. Он выдвинул из маленькой комнаты железную кровать, перевернул матрас пляшущими пружинами вниз и, расстелив на более-менее целой стороне обивки все свои свитера, уложил сверху себя в спальнике. Балконную дверь он решил на ночь не запирасть, а парадную дверь подъезда, открывавшуюся внутрь, он действительно припёр изнутри кочергой – по совету дворника.

Ближе к полуночи рыжий безымянный кот с тархтением угнезвился у Вани в ногах. Оба гостя залы благополучно проспали до десяти часов утра следующего дня.

Глава 8. Утренний посетитель

Ровно в десять они были разбужены громкими призывами неизвестного мужчины, доносившимися с улицы. «Молодой человек! Молодой человек!..» – летело в открытую балконную дверь.

Ваня не покидал своей лежанки, будучи уверенным, что зов этот никак не может быть обращён к нему. Однако, через несколько минут о балясины балкона стукнулся камешек, присланный снизу.

Пришлось немедленно выскочить на балкон.

На противоположном тротуаре Пушкарёва переулка стоял высокий худой старик в светло-серой шляпе и летнем костюме того же цвета, пытаясь концом трости загнать под сточную решётку в асфальте остатки битого кирпича.

«А вот и старик Шкловский», – автоматически пронеслось у Ивана в голове.

– Молодой человек, жива ли зала?

– Какая зала? Вы кто?

– На чашку чая не желаете ли пригласить? Ужасно устал с дороги!

– Да, я сейчас спущусь, там подъезд заперт изнутри...

– Не стоит беспокоиться! Я справлюсь!

Старик чуть приподнял шляпу и, цокая тростью, пересёк мостовую по направлению к подъезду. Незнакомец показался на пороге залы прежде, чем Иван успел как следует натянуть брюки.

– Но ведь я запираю подъезд вчера вечером? – удивился молодой человек.

– Вероятно, вчера вечером он и был хорошенько закрыт, а вот сегодня – вход свободен, – улыбнулся пожилой мужчина, широко раскрывая руки навстречу Ивану. – Да-а, вот она, легендарная зала... Цела, родная... Ну-с, Стоецкий Фома Лукич, ныне пенсионер, проживаю в Одинцово, здесь сегодня – по вызову. А Вы, молодой человек, кто будете?

– Иван, архитектор...

– Архитектор? Тогда ваш выбор этого помещения мне предельно ясен: вам нужен простор для работы, воздух! Угадал? Или дежурными обмерами занимаетесь?

– Нет, я занимаюсь макетами... И мне нужна... история. А почему Вы сказали «по вызову»?

– Вы же не будете против, если я присяду?

– Да, вон на балконе кресло... Не очень правда чистое, но давайте я вам свитер свой брошу.

– Благодарствую. Обожаю плетёную мебель! Это же настоящее голицынское кресло, не слышали? Оно служило сто лет и ещё столько же прослужит, гарантирую!

Кресло тихонько скрипнуло под стариком. Иван примостился на высоком балконном пороге.

Было воскресенье, день, когда все переулки между Сретенкой и Трубной улицей замирают: ни машин, ни пешеходов, все конторы закрыты, магазины отсутствуют совершенно, немногочисленное местное население сидит по домам, а гости столицы в эти переулки традиционно не суются. Кучка детишек из старых коммуналок возится в грязной песочнице; где-то кудахчут куры, пара домохозяйек без возраста развешивает во дворе штопаные простыни... Если бы не запах выхлопных газов с Садового кольца, вполне можно было бы допустить, что это начало выходного дня в каком-нибудь Дмитрове или Серпухове, но никак не в самом сердце столицы, где до Кремля двадцать минут быстрого шага.

Качнувшись в кресле несколько раз, старик указал своей тростью на верхние окна высокого старого дома в соседнем переулке.

– Это доходный дом Стоецкого Луки Григорьевича, моего отца. Вёл он свою торговлю блестяще до 1917 года, как Вы понимаете. Купец первой гильдии, торговля тканями. Фабрику он имел в Подольске. Знаете Подольск? Ну, конечно, знаете. А магазины были в Москве в нескольких местах... Со временем накопил денег и вложил в строительство вот этого доходного дома. Дом был готов в 1906 году, а в 1910 родился я, его единственный сын. Должен был унаследовать дело отца, но революция, беспорядки...

– Подождите, сколько же Вам лет? – опешил Иван.

– Соответственно восемьдесят семь, не так уж и много. Что Вас удивляет? Я давно на пенсии, живу на свежем воздухе круглый год. Вода, знаете ли, у меня в имении не хлорированная. И Садовое кольцо – очень далеко. Но – ближе к делу, Иван. Вон в тех окнах верхнего этажа – старик снова указал тростью на высокий дом – живёт Софья Никандровна Михайлова, моя ровесница и подруга. Она занимает весь антресольный этаж в доме, унаследовала его от своей покойной матери, которая всю жизнь у моего отца проработала экономкой. Отец, в благодарность за верную службу, как только построили дом, сразу же отписал ей в собственность все верхние комнаты. Да, неслыханная щедрость была по отношению к простой служанке, но эта женщина до последнего дня оставалась правой рукой отца. Я уехал из Москвы в наше загородное имение почти двадцать лет назад, но мы с Софьей Никандровной до сих пор состоим в переписке. И именно она вчера вечером вызвала меня в столицу телеграммой.

– А какое отношение имеет моя персона ко всему вышесказанному?

– Понимаете, молодой человек, Вы оказались не просто в старом доме, идущим под снос. Дом попался Вам не совсем обычный... Его выстроили в середине прошлого века для одного очень состоятельного человека, некоего Василия Смирнова, тоже купца. Это был первый каменный дом с роскошным фасадом во всей округе. Здесь сразу же стали давать шикарные балы, экипажей по вечерам было до тридцати штук у парадного подъезда... Весь переулочек заплотнялся!.. Дом, конечно, был гораздо ниже теперешнего варианта. Раньше ведь таких огромных никто не строил. Обычно было два этажа: первый – каменный, второй – бревенчатый, тёплый. Хозяева жили на втором, а внизу гостей принимали, дела хозяйственные вели, прислуга тоже на первом размещалась... А этот – бах! – и в три этажа заказали, да ещё все три из кирпича. Представляете, какое новшество для этих переулочков! А потом у этого дома ещё один владелец был: он надстроил дом пятым этажом, деревянным, хотел комнат добавить недорогих под самой крышей, для студенческой публики в наём. Первый этаж сдавал под продуктовый магазинчик, следующие два – квартиры для состоятельных арендаторов... Дом стал целиком доходным.

Ну, да что я Вам объясняю: Вы же архитектор, представляете себе картину. В те года эти доходные дома по всей Москве как грибы после дождя прорастать стали. Наш дом уже никому гигантом не казался... А перед большевиками в этих переулках стали появляться здания ещё мощнее... Но я начинал со Смирнова. Он имел сына Михаила, которому по закону все дела и передал. Была ещё дочь, но той ничего не досталось из наследства. Говорят, её ещё в девичестве отправили куда-то под Тулу, к какой-то тётушке, и в свете она так ни разу не появилась...

– А за что её так?

– По этому поводу у меня нет никаких сведений, да и история моя совсем не об этой особе. Тем более, что её судьба типична для тех лет: вышла замуж, стала матерью и мирно состарилась в своём семействе на лоне природы. Что Вы улыбаетесь? Всё согласно норме. Лучше слушайте дальше о мужской половине рода. Мой отец очень хорошо знал этого Михаила Смирнова, они жили рядом и какой-то год вместе вели дела. Отец мой тканями торговал, как я уже говорил, а у Михаила, помимо самого ткацкого производства, были ещё модные магазины готового платья где-то недалеко от Кремля. Но Смирнов под старость потерял рассудок и скончался в Мариинской больнице для бедных на Новой Божедомке. Там, кстати, и сейчас эта больница существует. Вам интересно?

– Я Вас слушаю. С чего же он рассудка лишился?

– Вот! Вот, вот, вот мы и дошли с Вами до ключевого места моего визита, не перебивайте же теперь. Были у Михаила Смирнова дочери. Забегу вперёд: все отошли в мир иной ещё до моего рождения (Михаил был значительно старше моего отца). Но легенда об этих девушках жила на нашей улице целых сто лет...

– Знаете, мне кажется, местный дворник в курсе дел. Он мне вчера...

– Перебили! Но уместно перебили. Этот дворник – внук священника Пospelова. Все Пospelовы жили в Большом Сергиевом переулке. Пospelов-дед как раз двоих из дочерей Смирнова отпевал. Похоронили их на Миусском кладбище, что значилось тогда за чертой города. На это кладбище свозили весь бедный люд с соседней Марьиной рощи, а разбивали его как чумное, во время эпидемии. Там полно было общих могил и для неопознанных трупов. Ни один состоятельный горожанин здесь участок для захоронений не стремился купить. Кладбище для черни! А девиц наших именно сюда и повезли. Одну Ольгой звали, другую – Прасковьей.

– Что же такая несправедливость? У папаши магазины готового платья около Красной площади и дом свой в три этажа, а он дочерей своих – на Миусское?

– Не своей смертью они, молодой человек! Знаете, как осуждалось церковью во все времена самоубийство? Их аж до недавнего времени за церковной оградой хоронили – не иначе. И если теперь мы к таким людям пытаемся с состраданием отнестись, то раньше никто и слушать всю эту психологию не хотел. Жизнь человеческая – высшая ценность, и только Господь бог имеет право ей распоряжаться...

– Извините, я – атеист и, потом, бывают ситуации...

– Бывают, молодой человек, бывают. Во все времена бывают. И все имеют право как прекратить свою жизнь, так и строго это решение осудить. Поймите, неверующих в то время было крайне мало, и когда тела двух молодых девушек нашли на чердаке вместе с предсмертными записками, некоторые люди, знавшие близко семью Смирнова, стали переходить на противоположный тротуар, когда шли мимо его дома... Полиция вызывала папашу на опознание, но этот Смирнов дочерей не признал. Соседям потом сочинил, что это девки-воровки к нему в дом залезли, и вот – божья кара их настигла на месте преступления. Здорового, конечно, в поведении такого отца мало...

– Повесились?

– Отравились! И из-за папаши своего, что самое прескверное. У них была кормилица, имени не припомню... И вот эта самая кормилица упростила Пospelова отпеть девочек. То ли удалось ей убедить, что не ведали девицы по молодости, что творят, не в себе были в тот момент... А скорее всего, кошельком своим попа убедила. Не так важно! Их отпевали в нашей Сергиевской церкви в Пушкарях, которая до большевиков дожила и даже пережила их безобразия. Эта церковь у Смирнова на задворках стояла, ближайшая к нему, в Большом Сергиевом переулке. Отпевали, конечно, тайно, ночью. А в приходской книге записали, что скончались девицы Ольга и Прасковья Смирновы от падучей...

– Эпилепсия, кажется?

– Не кажется, она самая и есть. Её тогда не лечили. И я Вас уверяю, что никому из непосвящённых обывателей не показалось странным, что в девятнадцать лет можно вот так уйти из жизни. Кормилица их очень сокрушалась. Надпись на могиле особую заказала: «Здесь покоится обожаемый прах незабвенных моих Оленьки и Параши Смирновых». Год точно не помню, извините. Могилка, конечно, не уцелела. Камни могильные забрали на хозяйственные нужды ещё в бытность большевиков, а незадолго до войны стали переделывать ограду у кладбища, и могила полностью была затоптана. Кормилица к тому времени сама почилла, за могилой никто не ухаживал. Но это ещё не вся история! Кроме Ольги и Прасковьи ещё ведь три сестры оставалось: Марфа, Анна и Екатерина Михайловны. И все они были в крайне натянутых отношениях с папашей ещё до этого события на чердаке. А после смерти старших сестёр домой воз-

вращаться отказались. Сами поступили в публичные дома на Грачёвку, что по тем временам скандал ещё похлеще, чем самоубийство. Оттуда тоже обратной дороги нет. Здесь все переулки кишели публичными домами и трактирами: грязно, дёшево, студентам на радость. Вообще район был неблагополучный именно из-за этой своей специализации. Люди порядочные старались в эти переулки ни днём, ни ночью не соваться. Квартиры тут стоили недорого, но контингент нанимателей долго оставался соответствующим – средний класс и редкая интеллигенция, которые терпели соседство всех этих увеселительных заведений. Богачи и высокие чиновники тут не селились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.